

Е.Н. Стаценко
 преподаватель кафедры иностранных языков
 Сумского национального аграрного университета,
 м. Сумы, Украина

НОМИНАЦИИ ПЕРВИЧНЫХ АДАПТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В ДРЕВНЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

***Аннотация.** В статье проводится анализ степени представленности номинации первичных адаптивных потребностей человека, таких как еда, безопасность, тепло в лингвистической литературе, которая служит первоисточником лингвистических научных знаний, а также выявление первых попыток древних ученых установить связь между языком и мыслительными процессами.*

***Ключевые слова:** лингвистика, когнитивная наука, адаптивные потребности, ассоциативная связь, мыслительные процессы.*

Человеческие стремления к познанию сущности слова как порожденного разумом феномена уходят корнями в глубокую древность. Современный американский ученый Т. Гивон, один из основателей дискурсивно-ориентированного направления, профессор-эмерит лингвистики и когнитивной науки, так определяет исследуемую сферу первичных адаптивных потребностей индивидуума – «узкий круг коммуникативных топиков, ограниченный самыми экстремными адаптивными потребностями: еда, комфорт, тепло, безопасность» [3, с. 104].

Целью статьи является анализ древней лингвистической и философской литературы, послужившей толчком в развитии как языкознания в целом, так и зарождения такого актуального направления в лингвистике, как когнитология, а также исследование степени представленности в древней литературе описания номинаций первичных адаптивных потребностей человека. *Актуальность* состоит в том, что в связи с современными разработками в сфере когнитологии в настоящее время акцентируется внимание на работах древнейших ученых, которые внесли весомый вклад в науку о языке как средстве общения и познания мира человеком и указали на непосредственную связь между языком и мыслительными процессами.

Отметим, что уже в древнейших источниках лингвистических знаний рассматриваются вопросы, актуализирующие упомянутые человеческие потребности. Историками-лингвистами принято считать индийскую лингвистическую традицию старейшей. И несмотря на то, что авторы таких архаичных языковедческих трудов известны лишь по именам, а тексты, написанные на пальмовых листьях или бересте, были уничтожены временем довольно быстро, исконная индийская традиция ратовала письменные записи, и уже в V в. до н. э. Яска пишет трактат «Нирукта», предназначенный для объяснения и толкования с точки зрения этимологии слов, которые использовались в религиозных ритуалах.

Яской были составлены синонимические или ассоциативные ряды слов, важных для толкования священных писаний «Ригведы». Так, во втором разделе своих трудов, что представляет в основе своей перечень глаголов и глагольных имен, древнеиндийский грамматист описывает синонимический ряд слов с доминантой *еда* в функциональном аспекте. Поскольку одним из самых важных средств для поддержания жизни человека и любого другого живого существа является вода, то именно этой номинации уделено большое внимание древнего ученого. Нужно отметить, что к категории *вода* отнесено около 100 слов: «не только важнейших жидкостей (*мед, молоко, вино* и т. п.), но и по-видимому всего «текучего», изменчивого. Так, сюда включены ассоциаты «успех», «слава» (*yasas*), а также «прошедшее» (*bhutam*), «существование», «бывание» (*bhuvanam*) и «будущее» (*bhavisyat*)» [3, с. 69]. Таким образом, уже древнейшие источники лингвистических знаний включают в себя попытки осознать важность, семантические связи и ментальные ассоциации первостепенных для данного социума и любой личностной категории, понятий, выраженных указанными лексемами. Это подтверждает и исследователь древнеиндийской лингвистической мысли О.А. Волошина: «Важно отметить, что каждое слово, включенное в ряды синонимов, многозначно. Любое слово из этого перечня обнаруживает связи со словами

других семантических групп, создается своеобразная семантическая сеть, в которой каждое слово получает свое значение, оттененное значением соседних слов. Эта вербальная сеть отражает определенный фрагмент мировоззрения, представленного в сакральных текстах» [2, с. 47]. Соответственно, находясь у истоков развития лингвистической науки, Яска понимал, что для осмысления сущности вещей, которые обозначены определёнными понятиями, необходимо выйти за рамки значений определённого слова, рассмотреть его контекстуальные вариации, которые слово обретает в дискурсе, в экстралингвистической обстановке.

Выдающийся филолог-славист А.А. Потебня, изучая санскрит и древние тексты на санскрите, неоднократно обращался к работам древнеиндийских мыслителей, в которых находил подтверждения своим идеям. Представляется целесообразным проследить рассуждения А.А. Потебни как основоположника психологического направления в отечественном языкознании. Ученый, исследуя взаимосвязь языка и мышления, также приводит пример с лексемой *вода*: «... слово *вода* есть привычное сказуемое для входящих в сознание и требующих апперцепции чувственных восприятий воды, сказуемое, которое не означает ещё исключительно предмета, но представляет сознанию весь чувственный образ вод посредством признака течь (ср. лат. *Ud-us*, мокрый влажный, греч. *ud* = *op* и русск. собственное имя реки *Уды*)» [6, с. 111]. Возникновение в человеческом воображении дополнительных образов и значений ученый объясняет тем, «что такое разложение чувственного образа может осуществиться только посредством соединения его с другой подобной единицей, так что в суждении, насколько оно выражено сочетанием не менее двух слов, можно видеть не только разложение единицы, но и появление единства из двойственности» [6, с. 109]. Ассоциативное мышление, по мнению А.А. Потебни, влияло не только на развитие лексико-семантической категории, но и служило основой для формирования грамматических категорий. Ученый считал, что уже у древних людей было разграничение имен и глаголов, причем глагол был более значим, поскольку выполнял роль предиката.

Возвращаясь к древнеиндийской лингвистической традиции, укажем, что крупнейший теоретик древнеиндийской грамматической школы Бхартрихари (V–VI вв. н. э.) также обращается к исследованию взаимодействия слова и познания. В своем известном сочинении «Вакьяпадая», посвященном учению о слове и предложении, Бхартрихари утверждает, «что Брахман порождает все предметы и явления в форме слова, и что мысли и все знания с самого начала тесно переплетены со словом» [4, с. 88]. Санскритский грамматист не усматривает в слове физических явлений и указывает на тесное взаимодействие познания и слова. Ученый утверждает, что «на неразрывной связи знания со словом основывается вся человеческая деятельность. Все общение, коммуникация идей зависят от этого переплетения знаний и слова, а без правильной и успешной передачи мыслей невозможно развитие науки, искусства и ремесел» [4, с. 89]. Также Бхартрихари выделяет три стадии развития слов: неделимое понятие, ментальное понятие и словесное, вербальное понятие, подчеркивая тем самым, что появление и функционирование слова невозможно без связи с когнитивными процессами.

Для нашего исследования представляет интерес концепция древнеиндийского филолога Патанджали (II в. до н. э.), который выдвигал свою теорию слова: «слово – это тот звук, благодаря которому возникает знание о предметах действительности» [1, с. 24]. Вследствие чего, как замечает Патанджали, человек не должен воспроизводить неправильные слова, так как это приведёт его к потерям и разочарованиям. И наоборот, используя в своей деятельности только слова в верно подобранном значении, понимая все оттенки смысла, говорящий одержит победу, то есть преуспеет. Иными словами, человек, задействовавший свой интеллектуальный потенциал и применивший его в речи, в будущем на деле получит успех и благосостояние.

Наряду с индийской, к древним лингвистическим традициям, что зарождались в рамках философских трактатов, относится и китайская, ярким представителем которой является Конфуций (479 г. до н. э.). Необходимо упомянуть о том, что древний китайский мыслитель, философ и педагог писал о первостепенной необходимости для развития социума правильного, осознанного именованности слов: «Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть сделано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело делается» [1, с. 21]. Таким образом, китайский мыслитель приходит к своей языковой формуле: имя, речь, дело.

Номинации, связанные с едой как биологической потребностью, не исчерпывали содержание древних трудов. Человечество неоднократно обращается и к описанию необходимости тепла и ощущения безопасности. Подтверждение сказанному находим в древнегреческих мифах и легендах. Священным символом благосостояния, успеха, более того, продолжения рода человеческого, служил древним гре-

кам, равно как и римлянам, огонь. Изначально им могли обладать только боги, а Гефест (у римлян – Вулкан) почитался как бог огня, «особенно чтили Гефеста в Афинах, где ремесла достигли наибольшего в Греции развития» [5, с. 61]. Проявив великодушие, титан Прометей, видя, как страдают беззащитные, нагие и голодные люди, подносит им бесценный дар – огонь. Во времена античности следующим образом трактовалось происхождение огня на земле: «Но Прометей пожалел не обладавших ещё разумом людей; он не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Аида. Он вдохнул в них надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это» [5, с. 95]. Уместным представляется упомянуть символ Олимпийского огня, впервые зажженный в древнегреческой Олимпии. В понимании социума того времени он является одной из тех немногочисленных номинаций, которые позволяют человеку совершенствоваться, ощутить свою собственную силу и мощь, некоторую независимость от богов, возможно, и стать с ними равными, посредством противостояния внешним природным влияниям. Символизм огня настолько прочно укрепился в человеческом мировоззрении, что в 1928 году в Амстердаме было решено возродить этот древний ритуал, ассоциируя пламя Олимпийских игр с тем, что оно способствовало человеку стать *Citius, Altius, Fortius*, что значит «быстрее, выше, сильнее», однако лексема *сильнее* подразумевает не только физическую силу, но и моральную стойкость, силу духа. Священный символ огня постоянно упоминается в разных сферах жизни людей. Например, бог брака Гименей, является на свадебные церемонии с брачным факелом: «Ярко горит пламя его брачного факела. Хоры девушек призывают во время свадьбы Гименя, моля его благословить брак молодых и послать им радостную жизнь» [5, с. 61]. Этим объясняется обожествление древними цивилизациями огня, наделение его мистическими особенностями. С его наличием человечество получало тепло, необходимое для выживания, становилось более резистентным к влияниям природных катаклизмов. Кроме этого, с помощью огня люди могли защищаться, обезопасить себя от нападения хищных животных, более того, они сами могли охотиться более эффективно и с меньшей затратой энергии. Также человечество начало потреблять более пригодную для пищеварения еду, а в глобальных параметрах применение огня послужило толчком к развитию ремесел и самого социума.

Общеизвестно, что античная лингвистическая традиция берет истоки в древнегреческой философии. Проблемы, связанные с языком и мышлением, рассмотрение появления номинаций в двух теориях: Тесей и Фесей и другие, были предметом дискуссий древних ораторов. Подобные индийским и китайским размышления о тесной связи правильности именованности предметов с исходом деятельности находим и у древнегреческого философа Платона. Безусловно, языковая система, лишенная мистических смыслов и сакральных образов, рассматривалась им как необходимый для социума продукт, равноправный с практическими видами деятельности, такими как земледелие или другими ремеслами. В философском трактате «Кратил» мыслитель говорит не только о необходимости правильно номинировать вещи, но и дискусирует о методах создания верных имен, а также подвергает исследованию ситуации именованности, то есть рассматривает правильность подбора лексем в дискурсе:

«Сократ: “Не учим ли мы чему-нибудь друг друга и не разбираем ли, каковы вещи?”

Гермоген: “Разумеется”.

Сократ: “Значит, имя есть некое орудие поучения и разбора сущности, подобно тому, как ткацкий челнок является орудием разбора для ткани”» [цит. по: 1, с. 31].

Человека, обладающего уникальными умственными способностями создавать новые имена, Платон называет «творцом имен», «законодателем». Индивидуум должен обладать высоким интеллектом, воображением, по словам Платона: «И Кратил говорит истину, утверждая, что имена присущи вещам от природы, и что не всякий является мастером имен, но только тот, кто глядит на имя, от природы присущее каждой вещи, и может вложить его образ в буквы и слоги [цит. по: 1, с. 32]. Напомним, что у некоторых неразвитых народностей, например, племен Африки, Австралии и даже до недавнего времени коренного населения Сибири, сохранились традиции присвоения имен, согласно которым только умудренный опытом, обладающий глубокими познаниями природы и окружающего мира член сообщества мог давать имена своим соплеменникам, вещам или явлениям. И лишь потом, пройдя систему обрядов, данные номинации принимались и одобрялись другими старейшинами родов.

Соответственно, Т.А. Амирова делает следующие дедуктивные выводы, касающиеся задач языковой деятельности, ее прямой связи с когнитивной деятельностью человека, исходя из размышлений Платона в диалоге «Кратил»: «Языковая деятельность является средством создания новых нормативов деятельности, фиксирует в языковой форме общественное знание, определение поведения людей при конкретных формах труда. Одновременно язык есть средство открытия и обучения. Поэтому язык – это

не только средство фиксации знания, но и средство создания знания» [1, с. 39]. Следующей цитатой представляется возможность провести непосредственную параллель между учением Конфуция и его языковой формулой об имени, речи и деле и размышлениями Платона: «Правильное именование природы вещи обеспечивает правильное (в соответствии с их природой) применение вещей во внеречевой деятельности. Этим проверяется и устанавливается истинность имени. Таким образом, имя-модель является знанием природы вещи. На основании этого знания могут быть построены другие разновидности деятельности, прежде всего производственная деятельность» [1, с. 39]. Последующее развитие ремесел, искусства, социума доказывает правоту мыслей Платона.

Известный ученик Платона Аристотель рассматривает язык как отображение уже состоявшейся системы деятельности, его учитель же только устанавливал эту систему. «Слова, выраженные звуками, суть символы представлений в душе, а письмена – символы слов. Подобно тому, как письмена не одни и те же у всех людей, так и слова не одни и те же. Но представления, находящиеся в душе, которых непосредственные знаки суть слова, у всех одни и те же, точно так же и предметы, отражением которых являются представления, одни и те же» [1, с. 77]. Будучи непревзойденным для своего времени логиком, Аристотель и язык исследовал в логическом аспекте. В его высказываниях о суждениях и видах умозаключений он занимает четкую позицию, свидетельствующую об условной связи между вещью и ее номинацией. Однако, по мнению ученого, лишь представление о вещи в человеческом сознании может служить посредником между предметом и его именем.

В отличие от утверждений Платона, что язык не всегда может выразить мысль во всей ее полноте, Аристотель считает язык вполне достаточным средством, чтобы передать мысли человека. Некоторые современные ему философы, например, Горгий, полагали, что мысль и язык лишены какой-либо связи, на что Аристотель возражает в «Софистических опровержениях»: «Вопреки мнению некоторых, нет различия между доказательствами, относящимися к слову, и доказательствами, относящимися к мысли. Нелепо полагать, что доказательства, относящиеся к слову, и доказательства, относящиеся к мысли, не одни и те же, а разные» [цит. по: 4, с. 159]. Несомненно, иногда случаются расхождения между словом и мыслью. Ученый признает и такой вариант, что существуют мыслители, которые «делают все доказательства на такие, которые относятся к слову, и на такие, которые относятся к мысли, и считают, что других доказательств не бывает» [цит. по: 4, с. 159]. Но и таких несоответствий можно избежать при глубокомысленном подходе к решению к предмету дискуссии, иначе задействовав когнитивные процессы для нахождения истины. Как философ и логик, Аристотель абсолютно последователен в отношении взаимосвязи познания и языка, «поскольку наша мысль неизбежно облекается в словесную форму, то для того чтобы мыслить дисциплинированно, надо умело пользоваться средствами языка. С известным правом можно сказать, что правильное понимание языковых явлений служит для Аристотеля пропедевтикой к логике» [4, с. 160]. Ученый осознает то, что совершенно необходимо полагаться на мыслительные процессы для глубокого и истинного понимания сути окружающих явлений.

Безусловно, древние лингвисты и философы внесли значительный вклад в языкознание. Несомненно то, что уже начиная с древнейших цивилизаций учёные предпринимают попытки определить и детерминировать связи языка и мыслительных процессов, актуализировать в своих трудах самые необходимые для экзистенции понятия. Подчеркнем, что несмотря на смену исторических формаций, развитие общества, войн, экономических кризисов, потребности человечества в еде, тепле и безопасности были и остаются первичными, существуют в той же последовательной необходимости и находят непосредственное отображение в лингвистических исследованиях ученых того или иного отрезка времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. ; История языкознания. Москва. 2005. 672 с.
2. Волошина О.А. «Нирукта» Яски и «Аштадхьяи» Панини как два направления развития древнеиндийской лингвистической мысли. Индоевропейское языкознание и классическая филология. Институт лингвистических исследований РАН. № 21. Санкт-Петербург. 2017. С. 145–153.
3. Гивон Т. Сложность и развитие. Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. Москва. 2015. С. 89–123.
4. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Древний мир. Ленинград : Наука. 1980. 260 с.
5. Нейхардт А.А. Легенды и сказания Древней Греции. Москва. 1990. 574 с.
6. Потемня А.А. Язык и мысль. Москва. 1993. 190 с.

О.М. Стаценко. Номінації первинних адаптивних потреб людини: представленість в лінгвістичній літературі. – Стаття.

Анотація. У статті проводиться аналіз ступеня представленості номінації первинних адаптивних потреб людини, таких як їжа, безпека, тепло у давніх лінгвістичних традиціях, що слугує першоджерелом лінгвістичних наукових знань. Авторкою також описується виявлення перших спроб стародавніх вчених встановити зв'язок між мовою та розумовими процесами.

Ключові слова: когнітивна наука, лінгвістика, адаптивні потреби, асоціативний зв'язок, розумові процеси.

O. Statsenko. Nominations of the Primary Adaptive Human Needs: Representation in Linguistic Literature. – Article.

Summary. The article analyzes the representation of primary adaptive human needs nominations, such as food, safety, warmth in linguistic literature, which serves as the primary source of linguistic scientific knowledge, as well as identifying the first attempts of ancient scientists to establish a connection between language and cognition processes.

Key words: linguistics, cognitive science, adaptive needs, associative connection, thought processes.

УДК 373.3:004(045)

І.Б. Тимофєєва

кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри педагогіки та освіти
Маріупольського державного університету,
м. Маріуполь, Донецька область, Україна

О.Д. Гнатюк

здобувач вищої освіти спеціальності «Початкова освіта»
Маріупольського державного університету,
м. Маріуполь, Донецька область, Україна

ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ДОСЛІДЖЕННЯ ТА РЕАЛІЗАЦІЯ STEM-ОСВІТИ В ПОЧАТКОВІЙ ШКОЛІ

Анотація. У статті розкривається роль STEM-освіти у початковій школі; охарактеризовано дефініцію «STEM-освіта» відповідно нормативних документів; розглянуті приклади завдань з використанням STEM-технологій для учнів початкових класів.

Ключові слова: STEM-освіта, учні початкової школи, навчання, заклад освіти.

Сьогодні у галузі освіти України впроваджується концепція Нової української школи та на етапі затвердження нових освітніх стандартів виявляється важливим оновлення змісту освіти та підходів організації освітнього процесу у початковій школі. Відповідно, освітній процес має бути трансформований у напрямі формування креативної, самостійної особистості, здатної до навчання впродовж життя.

Теоретичний аналіз науково-методичної літератури показав, що STEM-освіта – є новим явищем для нашої країни, але популярність напряму засвідчують численні публікації, що з'явилися в останні роки. Більшість серед них стосуються загальних аспектів впровадження STEM-освіти в Україні, її проблем та перспектив (Т. Андрущенко, С. Буліга, І. Василяшко, В. Величко, С. Гальченко, Л. Глоба, В. Камишин, Н. Морзе, Л. Ніколенко, М. Попова, М. Рибалко, О. Стрижак, І. Чернецький, В. Шарко та інших) [4].

Метою нашої статті є – розкриття теоретичних засад дослідження STEM-освіти в початковій школі.

Для нашого дослідження важливим є характеристика дефініції «STEM-освіта». Так, наприклад на офіційній сторінці Інституту модернізації змісту освіти розкривається поняття STEM як (S – science, T – technology – E-engineering – M-mathematics). Акронім STEM вживається для позначення популярного напряму в освіті, що охоплює природничі науки (Science), технології (Technology), технічну творчість (Engineering) та математику (Mathematics). Це напрям в освіті, за якого в навчальних програмах посилюється природничо-науковий компонент та інноваційні технології [3].